

Аронов Александр

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ...

СОРОКАЛЕТИЕ ДРУЖБЫ

В юности.

Как стремительно летит время — ведь в нынешнем году исполнилось 40 лет, как мы познакомились с Сашей Ароновым! И все эти долгие десятилетия мы сохраняли дружеские отношения, встречались, регулярно перезванивались. Саша читал мне свои новые стихи, расспрашивал об общих друзьях, которых у нас было так много и, улыбаясь, как каждый год становилось все меньше...

И так странно думать, что уже не будет больше ни встреч, ни долгих сердечных разговоров, — ведь уже будучи тяжело больным, он изо всех последних сил старался не отрываться от друзей. Еще мы часто вспоминали о начале нашей дружбы. А было это так...

Существовала в те годы при московском отделении Союза писателей комиссия по работе с молодыми авторами. Председателем ее был Николай Панов, а я — его заместителем. В мою обязанность входило встречаться с молодыми литераторами, читать их рукописи и передавать наиболее интересные из них на строгий суд членов комиссии, среди которых были такие уважаемые поэты и прозаики, как Михаил Зенкевич, Лев Славин, Илья Френкель. Так и пришел ко мне однажды молодой красивый человек, принес тоненькую папку со стихами и представился:

— Александр Аронов, преподаватель литературы! — и тут же добавил: — А можно, я сам прочитаю вам свои стихи?

Читал он прекрасно, темпераментно, стихи его завораживали. Я тут же передала его стихи членам комиссии, и первым откликнулся Михаил Зенкевич, друг и ученик Николая Гумилева и Сергея Городецкого.

— Какой же Аронов начинающий, — сказал он. — Это уже состоявшийся поэт!

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ.

Уже сорок дней нет с нами большого поэта и журналиста "Московского комсомольца" Александра Аронова. Его стихи были известны в Москве. Они Прекрасно ложился на музыку. И их, даже не зная автора, пели под гитару на кухнях, у костра:

"Когда у вас нету дома, пожары вам не страшны,
И жена не уйдет к другому, когда у вас нет жены..."

Тридцать пять лет назад он пришел в "МК", и газета стала его истинным домом. Многие годы стихи Аронова являлись москвичам и как подпись к фотографиям в газете, обычно под подписью Ал. Ар. Большой популярностью пользовалась его авторская колонка "Поговорим с Александром Ароновым", которую много лет еженедельно с нетерпением ждали читатели. Свою колонку он вел, несмотря на болезнь, практически до последних дней своей жизни.

В день сороковин поговорить — на этот раз о нем самом, — вспомнить добрым словом Александра Яковлевича Аронова собрались его товарищи — поэты, журналисты, писатели...

ЗА ПОЛШАГА ДО ВСТРЕЧИ

Саша все знал. Саша все читал. Саша все умел объяснить, причем часто интереснее, чем сами авторы, которые, уверен, иногда его объяснениями очень удивлялись бы.

Когда он написал поэму "Тоннель" — о неминуемом воскрешении из мертвых всех, кто когда-то был на Земле, — он вроде бы лишь пересказал "Философию общего дела" Николая Федорова. Так он сам говорил, а я, естественно, верил, пока в СССР Федорова все-таки не издали, а его по случаю не купил и не убедил, что был Федоров тот еще пунтик, хотя и действительно натолкнул Циолковского на мысль о покорении космического пространства. А Аронов, напротив, был ясен, неоспорим, хоть и безжалостен. И это благодаря ему, а не Федорову, с 1974 года я абсолютно твердо знаю: мы все оживем, мы все встретимся, мы все станем бессмертными, и ничего из того, что напоротачили сейчас, ПРИ ЖИЗНИ, это не отменит и не исправит.

Знакомая Земля...
Уже Некрасов рядом.
Привет! Есть два рубля.
Пошли, ответить надо!

Некрасов — это Юрий Максимович, когда-то прокурорский полковник, потом прекрасный журналист, член редколлегии "Комсомольца". Сашин друг и вечный соавтор...

Вот так же мы встретились на случайном перекрестке осенью 1980-го. "Надо купить портвейна и выпить в этой подворотне", — деловито сказал Аронов. — Но быстро. Мне на завтра телеобзорение писать", Я был с девушкой. "Зачем в подворотню? — запротестовал я. — Здесь ядоем замечательная блинная...". Купили портвейна, пошли в блинную, взяли пельменей. Разлила. Саша достал блокнот с новыми стихами. Ну и конечно, тут же появились милицкий наряд, нас "за распитие" повели в отделение, девушка бежала следом, как декабристка, милиционеры от нее отмахивались, и она потом время от времени появлялась в дверном проеме дежурной части и махала нам руками, пока ее не отгоняли... Внутри же Аронов выступал с пламенной просветительской речью перед дежурной частью во главе с лейтенантом. Так что отпустили нас только через полчаса, причем просили заходить еще и даже вернули пакет с обеими бутылками — полной и уже начатой. "Теперь убедились, кто был прав?" — спросил

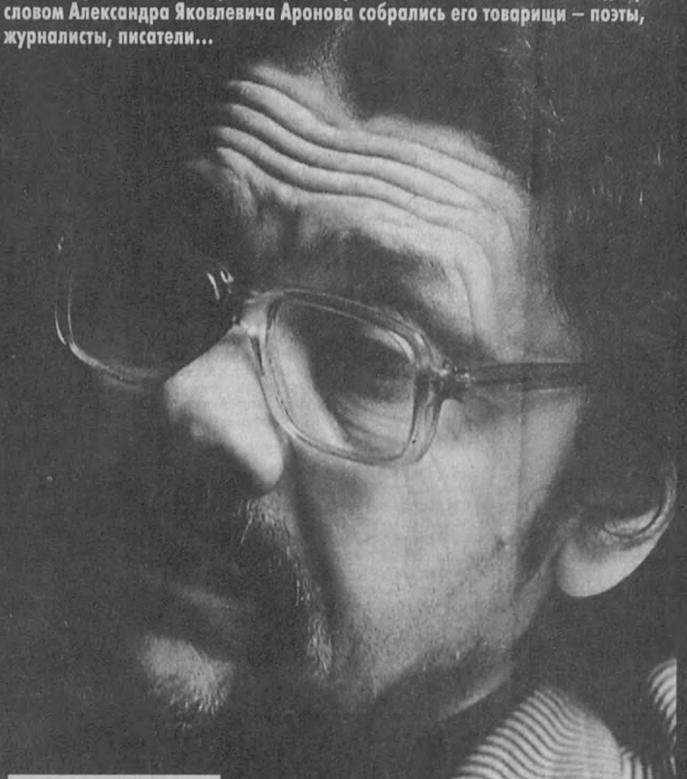
Аронов, и мы отправились в подворотню, прямо напротив отделения. Выпили портвейна. "Если нас еще раз поймают, припадут особый цинизм", — состорожно начал я. Смеялись как резаные... Аронов читал стихи... Девушка счастливо тарачила глаза...

Аронов был первым в моей жизни начальником, он взял меня на работу в свой школьный отдел, когда еще мне было восемнадцать, все остальные сотрудники были примерно такими же — Юра Щекочихин, Саша Ригин, Алик Шумский... И когда мы шли куда-то с нашими юными намерениями, я в душе всегда очень удивлялся: а этот-то, такой старенький, куда — с нами? Аронову было тридцать пять...

Мы тогда лихо жили в "старом" "Московском комсомольце" на Чистопрудном бульваре — под треск раздолбанных печатных машинок, под песенки и гимны: "День пиши, вечер пей, ночь спи! Утром встань, день пиши, вечер пей!...". "Но мы еще свое упрямо вздернем и выслушаем, что нам скажет мир!...". И жена не уйдет к другому, когда у вас нет жены!... Мы писали и пили, мир пока помалкивал, жены уходили и приходили, мы потихоньку взрослели. Так же потихоньку приходило и понимание той невероятной удачи, которую подарила судьба в самом начале жизни. Мне, во всяком случае, теперь уже окончательно ясно, что никто на свете не оказал и уже не окажет на меня столь сильного и всеобъемлющего влияния, как Аронов. Странно, но даже список любимых поэтов за эти десятилетия у меня не изменился — с тех пор, как Саша впервые назвал их незнакомыми мне тогда именами и читал строчки. Ароновские оценки девальвации не подвергались никогда, ни разу. Равно как ни разу я не уомнил и в том месте, которое занимает в русской литературе сам Аронов.

Впрочем, что он Очень Большой Поэт, Саша знал и без нас. Мне он когда-то сказал (не без горечи, правда, но вполне спокойно): "Кажется, мою первую книгу издадут в синем переплете". (В синем переплете тогда издавали посмертные тома большой серии "Библиотечка поэта"). Немного ошибся: три тоненьких сборничка в руках подержать он все-таки успел, помогла перестройка, спасибо Горбачеву и за это. Но по сути Аронов и здесь оказался прав — стране его открыты еще только предост.

Павел ГУТИОНОВ

Поговорим об Александре Аронове

Остановиться, оглянуться...
Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
И никогда не умереть!

Существует литературный миф о том, что песенка Булата Окуджавы "За что ж вы Ваньку-то Морозова..." первоначально звучала так: "За что ж вы Ваньку-то Аронова...". Морозов появился в песне по тому, что известно, мифов без огня не бывает! И факт — то, что в давние годы Саша Аронов и Вадим Черняк совершенно бескорыстно, как это умеют делать немногие, восхитились песнями еще не известного никому молодого барда Булата и несли их, как говорились на больших партийных съездах, в массы.

Саша дружил со многими диссидентами. Однако сам диссидентом не был. Он признался как-то в этом на своем вечере в доме-музее Марины Цветаевой. Он мучительно пытался примирить в своей душе социальное — советское и происхождение, и написал об этом в своем "Юношеском" стихотворении: "...как эти две звезды соединить — пятиконечную с шестиконечной"? По тем временам это была достаточно благородная задача. Увы, в наши дни есть любители воссоединять пятиконечную звезду со свастикой... В начале 90-х один из таких "любителей" накинута на Сашу Аронова, когда тот безобидно прогуливался со своей собакой неподалеку от дома. Молодой хулиган кричал, что такие "пожилые", как Саша, мешают ему жить. Саша отбил от хама, но несколько дней приходил к себе. Сегодня ясно, что он никогда не был "пожилым", и главное, никому не мешал жить. Наоборот, он многим помогал жить и выживать в этом мире. Он помогал молодым поэтам, в свое время вел в "МК" рубрику "Турнир поэтов" и печатал стихи талантливой поэтической молодежи. Помню, как на совещании молодых творцов Москвы в Красной Пахре в начале 70-х юные поэты тянулись к Саше Аронову, и тогда в зимней Пахре в окружении молодых "гениев" мы подняли стаканы за Сашу. Он

тогда уже проходил по разряду "маститых". И в самом деле, Александр Аронов всегда был авторитетом в творческой среде.

Правда, сам он чувствовал, что успеха недобрал. Не то чтобы ему не хватало славы — просто в самом признании поэта есть потребность в признании. Поздно вышли его долгие книги: первая, "Остров безопасности", — только в 1987-м, "Тексты" и "Первая жизнь" — в 1989-м. Годы четыре назад вышла еще одна малоизвестная книга Аронова, но отдельно, а в составе возобновленного альманаха "Истоки". Но все же книга!.. Он пытался "добыть" в гласности. Во второй половине девяностых устраивал вечера. Один из последних раз его пришел послушать старый друг — Валентин Береснев, который вскоре ушел из жизни. В Малом зале ЦДЛ, когда конец-то стал членом Союза писателей Москвы, я написал ему рекомендацию в Союз и помню, что по этому поводу мы расплили с ним поллитра замечательного национального напитка под названием "Столичная". Правда, это и раньше мы делали неоднократно — и в помещениях старого "МК" на Чистых прудах, и в новом здании — уже на Красной Пресне. Мне хорошо запомнились еще один его творческий вечер — в доме-музее Цветаевой. Саша был в ударе. Он отвечал на вопросы, что и рассказывал о себе, читал стихи почти три часа. Его слушали как зачарованные.

Сегодня я вспоминаю Сашу Аронова и не хочу верить, что его уже нет с нами. Остались стихи, но это не самое большое утешение, когда думаешь о человеке, с которым, как оказалось, тебя связывало десятилетия дружбы. И все-таки остаются стихи, и это, может быть, единственное оправдание природы, которая не ведает жалости к людям... А нам остается только перечитать замечательные творения Саши, остановиться и оглянуться, чтобы вспомнить его жизнь и вдохновенный облик поэта...

Сергей МНАЦКАНЯН.

САШ, ПОЧИТАЙ!

Он никогда не ломался, не набивал себе цену. Его не надо было долго упрашивать. Достаточно было произнести:

— Саш, почитай!...

И в ответ начинали звучать стихи, лились стихи, будто он только и дожидался этой минуты. Он жил стихами, мыслил стихами, был переполнен стихами, они текли в нем вместо крови и вырывались наружу вместе с каждым вдохом-выдохом. Мне было меньше двадцати, когда я впервые услышал его. Там, в прежней крохотной редакции "Московского комсомольца" на Чистых прудах... Я слушал его, плохо отдавая себе отчет, что именно он выписывает. Меня завораживали музыка, ритм его поэзии. А еще — льющееся самолюбие влюбленного в литературу мальчишки сознание, что присутствую при таинстве творчества, что знаком с непризнанным (это тоже было важно) гением. Смысл, потаенная глубина созданного Саши, его действительная, естественная, я бы сказал, гениальность, стали доходить до меня значительно позже. А в то время, изучив в "Литгазете" хвалебную рецензию на роман какого-нибудь литературного мастодонта, я покорно шел в книжный магазин, покупал фольгант-кирпич и не в силах одолеть его, отчаивался, что ничего не смыслил в писательском деле! Ведь рецензия такая положительная, такая захвальная! Было невдомек, что подлинный дар всегда негромко, всегда незарекламирован и ничего, кроме неприятностей в жизни, своему обладателю не приносит. Это точно — не вызывает восторга у завистливых, обделенных Божьей искрой современников-графоманов. Об этом говорил и сам Саша: "На свете есть одни поэты..." То есть — только поэты. То есть все хотят, чтобы их признали и считали поэтами. А если не признают, они мстят и травят того, кто отнял у них лавровый венок и возделенную славу. Саша был вот уж не честолюбив. И лишен всяческого ханжества. Могу признаться, что науку выпивания (уже после того, как научил меня понимать стихи) преподал мне именно он. В той самой редакции на Чистых прудах. Где с ним и Сашей Ригиным мы однажды назоказка

лись так... что забыть это просто невозможно. Саше принадлежит фраза, с которой я долгие годы пробуждаюсь на рассвете, иногда пробуждаюсь и теперь: "Спьяну спится хорошо, но быстро".

Он был наделен поразительным, быстрым чувством юмора. На одном из совещаний молодых писателей, где — уже в зрелые годы — Саша руководил семинаром поэзии, юная фея представила на суд слушателей возвышенные рифмы... Как бы сказать? Ни о чем. Саша, деликатно подсыкая слова, дал совет: "Попробуйте писать о чем-нибудь более ясным, земным. О жизни...". Девушка распахнула наивные глаза: "Но я же совсем не знаю!" Сашина реакция была мгновенной: "Тогда пишите о чем-нибудь еще...". А мою рубрику "Коллекционер жизни", когда она стала уж слишком мрачной, он как-то назвал "Коллекционером смерти..."

Не забыть поездку с Сашей и Павлом Гусевым — в Ленинград, на премьеру моей первой пьесы. Сколько было выпито — в ресторанах и забегаловках Невского, — не измерить, не сосчитать. Сколько прочитано стихов! И произнесено тостов! Сколько потом, уже после того, как появилась очень важная и много объяснявшая мне обо мне самом рецензия за подписью М.Аргус (то есть Аронов+Гусев), было разговоров о драматургии, прозе, поэзии... Разве учительство — это дистиллированные советы "Как жить"? Нет, это сама жизнь, не всегда утонченная, не всегда справедливая жизнь, в которой обучающийся не боится быть собой и хочет такой же искренности от учителей.

Сегодня, во времена, когда литература почти изгнана из нашей жизни, я думаю, что постоянное — на протяжении многих лет и десятилетий — присутствие в "Московском комсомольце" поэта Александра Аронова во многом предопределило атмосферу газеты и нынешний ее громадный успех. Связь, может быть, не очевидная, не прямая, но для меня безусловная. Он был нашей общей незримой душой.

Спасибо тебе за все, Саша!
Андрей ЯХОНТОВ.

Чистопрудный вальс Шопена

Он был первым настоящим, "взрослым" поэтом, которого я увидел в свои семнадцать лет.

Тогда "Московский комсомолец", где он работал, располагался на Чистых прудах, а театр "Современник", наоборот, не здесь, а на Маяковке. Про Аронова я уже знал: несколько его стихотворений и песен на его стихи, самозабвенно переираваемые исполнителями-журналистами, звучали на московских кухнях. Причем если Окуджаву, Галича, Высоцкого и Кима пели практически на всех этих населенных тараканами островках свободомыслия, то Аронов был только нашим, паролем и гордостью нашего острова (впрочем, разразившегося в пространстве благодаря в том числе и многочисленным журналистским командировкам).

Это потом уже, позже, его "собаку", которую "не отравит сосед", принялась каждый Новый год петь в дуэте с Мгжковым все страна. А тогда Аронов с его стихами и песнями казался мне тем самым золотым ключиком, который открывает потайную дверь в самое сердце Москвы. И далеко не каждому дается в руки.

В общем, шел я в ароновский кабинет с благоговением. А увидел Александра Яковлевича (который очень вскоре стал и для меня просто Сашей), был потрясен. Пердо мной сидел абсолютно белый негр. Кучерявый, широконосый, губастый. И тогда — между прочим — даже грациозный, как-то не по-европейски.

Сидел он в комнате со своим другом, интеллигентным и суховатым Вадимом Черняком, похожим, в свою очередь, на актера Тихонова в фильме "Доживем до понедельника". "Они сошлись — волна и камень..." Волной, конечно, был Аронов.

Вот вдвоем они и стали разбирать мои полудетские стихи. Черняк говорил преимущественно о неточностях, а Аронов... В общем, он объяснил мне меня — к тому же в какой-то потрясающей и до сих пор, конечно, недостигнутой перспективе.

Уходил я только из их кабинета, а дальше — летел. И мокрый снег на Чистых прудах казался сказочно-новогодним, как — ну так же "Ирония судьбы...", еще не снятая тогда. И в голове кружилась волшебная ароновская "Чистопрудный вальс".

Развернется трамвай или, можно считать, Все вокруг развернет, И отпрянет от стекла примет ницета — Этот снег, этот лед, Промелькнут апельсины

А на том вираже Тонкий девачин шарф на наклонном катке, Улетевший уже...

А Черняк с Ароновым остались в кабинете и, очень возможно, продолжили пополнять собрание сочинений самого Козьмы Прутков — под именем Ивана Макаровича Гныпа, бывшего гебиста, начавшего писать стихи (дабы скрестить их редакционные будни) только после выхода на пенсию. Что они тогда сочинили? Может быть, это:

Как говорил еврей из Армавира, Однофамилец Байрона — Гордон: Пардон, но будешь ты царицей мира, А если нет, то все равно — пардон.

Или другое, "Философское": Вот гражданин, в трамвае едущий, Наверно, он сойдет на следующей.

А тот, по улице идущий, Уже сошел. На предвечий.

...Саша Аронов сошел на предыдущей остановке, а мы продолжали куда-то ехать. Нам без него хуже, скучнее, холоднее.

Смерть Аронова задела не только его родных, друзей и поклонников стихов. Миллиционер у бразильского посольства, расположенного напротив Дома литераторов, где проходила панихда, спросил меня, кого хоронят. И когда я проболтал дороге мне имя и уже приотворился со словами "Ирония судьбы...", чтобы тот хоть что-то понял и не придирался к не совсем правильно припаркованной машине, служитель порядка неожиданно заговорил сам. Сказал, что такого иждивенца и доброго журналиста больше не знает, что всегда читал его колонки в "МК"... И разрешил оставить машину в непохожем месте.

Миллиционеру повало меньше, чем мне, — он знал Аронова только по газете. Олег ХЛЕБНИКОВ.

ВОТ И ПОРА ОГЛЯНУТЬСЯ

Сашу Аронова я впервые увидел и услышал очень давно — в середине шестидесятых в знаменитом литературном объединении "Магистраль", куда меня завлекли мои знакомые. Я тогда был даже не молодым, а просто юным поэтом и еще не появлялся на тогдашних, говоря современным языком, литтусах. А Александр Аронов был уже достаточно известным в Москве поэтом. Он относился к так называемым шестидесятиникам, а последние хоть и признавали его талант, но никогда не пусkali Сашу в свою команду. На том давнем магистральском заседании он читал стихи. Ясно. Свежо. Взалюбленно. Мне запомнилось его лицо — пулово, губастое, вдохновенное, уж с морщинами от улыбок и раздумий. Чем-то он напоминал Пушкина, что подчеркивала и пыльная шевелюра, а не будь этой шевелюры — точно походил бы на Сократа.

Несколько позже я познакомился с ближайшими друзьями Саши Аронова — Вадимом Черняком и Юрием Смирновым, тоже поэтами, и еще раз увидился, как знают и любят стихи этого похожего на Пушкина человека его друзья. Уже тогда многие из стихов Аронова стали звучать как песни, а отдельные его строки превращались в "крылатые слова". Так, вся советская страна знала его строку "Остановиться, оглянуться", которая напоминала о себе названиями пьес, романов, статей... Приведу только один фрагмент этого стихотворения, который, как это ни печально, скоро ляжет на мемориальную доску поэта на первом этаже нынешнего "МК", в котором Саша, как мне думается, счастливо прожил 33 года жизни:

БУДЕТ ЛИ С КЕМ Поговорить?

Из многих замечательных стихов Саши Аронова, пожалуй, больше всего я люблю одно, совсем коротенькое:

Гуляю по морю пешком,
Стучу о море посошком.
Вокруг меня трещат,
А с берега кричат — "Силени!"
Они завидуют тому,
Что я иду и не тону,
А я зато на берегу
Сидеть, как люди, не могу.

Таким он и был в жизни: удивительный, огромный талант, редкая мудрость — и полная беспомощность в житейской борьбе, где главное не ум и сердце, а локти. Он был из поколения шестидесятников, но не принадлежал к нему, как не принадлежал вообще ни к кому — ни к поколениям, ни к группам, ни к литературным течениям. Разве что к дружеской компании: при всей внешней безалаберности другом Саши был настоящим и с подростковой радостью поминал своих друзей то в стихах, то в статьях.

Критика любит сбивать литераторов в разного рода подразделения и ридить, кто за кем стоит в шеренге. С Ароновым такое вряд ли получится — уж очень своеобразен! Из современ-

Творческий вечер. Справа — Леонид ЖУКОВИЦКИЙ.

ников, мне кажется, если и уповится у него некое сходство, так это с поэтом Николаем Глазковым, прозаиком Венячком Ерофеевым и художником Анатолием Зверевым: все они были на сто процентов птицами певчими и лишь по целому количеству случайностей избежали когтей свиховых сородичей.

Он и в газете был птицей певчей. Вот думаю: как же она обойдется без Аронова? Талантливых перьев в "МК" много. Что почитать — всегда найдется. Но будет ли с кем поговорить?

Саша ушел туда, откуда не возвращается. А стихи его по-прежнему гуляют по морю пешком, стучат о море посошком... Леонид ЖУКОВИЦКИЙ.

"...НУ А ПОКА МЫ С ВАМИ ЖИВЫ"

Сегодня каждый из нас и х волен вспоминать свое — те или иные шедевры общения, которые были возможны и неизбежны именно в обществе поэта Александра Аронова. И я вспоминаю — "Амаркорд": когда мы уже перешли на "ты", нас сподобило попасть в одну тургруппу, делегированную в Святые места. Причем Аронова, по чьему-то высочайшему недосмотру, назначили руководителем делегации, кем он не мог быть по определению. У членов группы, очень продвинутой по тем временам и сплоченных совместной работой в "Совинцентре" людей, это вызвало порой агрессивные недоумения.

Помню, нас в первый же день, счастливого отставших от группы, вызвали из-под дождя в Гемфисманском саду Игорь Губерман — и Иерусалим мы получили из рук поэта. Неделя с Ароновым на Земле обетованной!.. Где его вполне понятная рассеянность обрела поистине библейские масштабы. "Пальто... Где мое пальто? Точно, я забыл его у Мертвого моря, и ты не проследила!" И я влажно кивал, принимая на себя и эту влажную вину и терпя Сашу в течение недели. Не

из гоголевской шинели, а из пальто Аронова вышли разные хорошие поэты, "ттенцы гнезда Аронова", "Турнира поэтов" "МК", и я там деботировал, а потом ночью, под звездным ноябрьским небом вырезал бритовкой на газетном шите свою первую публикацию. Боже, как я летел в эту комнату, где успешнее раньше поэты уже сгрудились вокруг мэтра. Чья похвала многое для меня значила. "Поэт Аронов нас заметил и — врезку, врезку написал...". Пусть это факт только моей биографии, но какой поддержки и удачей было это, когда ты служишь в армии в Ленинкане, на советско-турецкой границе, а в Москве Аронов печатает тебя в своем "Турнире". Тогда же, в армии, я с горечью прочитал в "Литературке" статью Вознесенского о том, что невинным затягивает свежее голоса Губанова, Аронова... А вернулся из армии, я в своем пижонском юношеском стихотворении даже посочувствовал ему — мол, поэт вынужден служить журналистом. "Вот по платформе ты идешь... Вон электричка как сплелась. Ведь лют, ведь повсеместно дождя, продукция небес осенних..." А ведь общеизвестно, что журналистом он был бли-

стательным, и в этом — поэтом. Именно в "МК". Часто цитируют рефрен Левитанского: "Жизнь прошла — не поговорили". Да нет, кое-что успелось. Спасибо "МК", что в ароновской колонке "Поговорим" последний год, когда Саша уже уходил, для новых читателей XXI века была практически издана антология его лучших стихов. Сегодня ясно, что Аронов все же не разминусил ни со своим читателем, ни с читательской любовью...

Сейчас, при мне жилища, в числе важных документов я держу в руках поздравительную открытку, датированную мом 25-летием. Ее вручил мне тогда один из гостей, Александр Аронов, убористо стихов туда одно из самых ароновских своих стихотворений — "Поэты". Финальная строфа уместилась уже на обороте:

И если только в самом деле
Друг другу мы не надоели,
Давайте поровну поделить
Весь этот глупый наш успех.
Мы все увидим, молва не лжива,
Ну, а пока — мы с вами живы,
Ну, а пока мы с вами живы,
Стиха должно хватить на всех.

Простая хвасть и односторонняя с Павлом Гутионовым уверенностью — стихов Аронова хватит на всех. Владимир ВИШНЕВСКИЙ.

С женой Таней. Минута счастья.